

*Священник Илья Соловьев, к. и. н., к. бог.
(Крутицкое подворье)*

ШТРИХИ К ИСТОРИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ ОБНОВЛЕНЧЕСКОГО МИТРОПОЛИТА А. И. ВВЕДЕНСКОГО

На протяжении десятилетий в нашей стране господствовал порочный с научной точки зрения марксистско-ленинский метод исторических исследований. Характерно, что при описании истории враждебных марксизму партий, групп и идеологических течений марксистские историки почти не уделяли внимания ни отдельным личностям, представлявшим эти течения, ни даже их руководителям. Для примера укажем, что в борьбе с т.н. «бердяевщиной» большевистские ученые сломали немало перьев, но о самом Бердяеве, его судьбе, его творческой биографии почти ничего написано не было.

Со всей полнотой этот порочный метод проявил себя и в работах по истории Церкви, написанных советскими авторами. Это касается не только истории Патриаршей Церкви, но и истории «обновленческого» раскола. Историк обновленчества А. Э. Левитин в своей критике монографии историка-марксиста А. А. Шишкина «Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола» справедливо указывал на формальный подход автора, а также на то, что его работа «никак не может претендовать на научность». Она «...отличается всеми пороками вульгарной марксистской историографии: вместо живых людей здесь маски, вместо событий — схема. Для меня, — пишет Левитин, — это произведение особенно любопытно именно потому, что я всех его героев хорошо знал лично. Прочтя книжку Шишкина, я ощутил в полной мере порочность этого метода, процветающего в России. Введенский, Антонин Грановский, Красницкий, Боярский, такие яркие и такие разные люди, вдруг поблекли, выщвели, стали удивительно похожими друг на друга. Все они — представители буржуазии, приспособляющейся к советской власти, и трудно понять, чем они отличаются друг от друга»¹.

К сожалению, недостатки, свойственные сочинениям историков-марксистов, в той или иной степени присущи и некоторым работам современных церковных историков. В последнее время появилось немало статей по истории «обновленчества» и отдельных работ по этой теме, но личности главных руководителей «обновленчества» как бы не берутся в расчет. Мы мало знаем о биографии А. И. Введенского — одного из руководителей этого раскола. Достаточно упомянуть тот факт, что роскошно изданная многотомная «Православная энциклопедия» (вообще содержащая огромное количество ошибок в статьях по истории «обновленчества») в статье об А. И. Введенском указывает... неверную дату его смерти. Много в этой статье и других досадных ошибок. В этом докладе мы попытаемся рассказать о «неизвестном Введенском», используя среди прочего материалы его личного неопубликованного архива.

Александр Иванович Введенский родился 12 сентября (н. ст.) 1889 г. в Витебске, в семье преподавателя латинского языка, впоследствии — директора гимназии, действительного статского советника, уроженца г. Костромы Ивана Андреевича Введенского. Его мать Зинаида Саввишна (урожденная Соколова) происходила родом из Петербурга. С ранних лет Александр Иванович выделялся среди сверстников яркими способностями, любовью к чтению и необычной, порывистой религиозностью. Прочитав в девятилетнем возрасте роман Толстого «Воскресение», мальчик послал в Ясную Поляну полное негодования письмо, в котором высказывал возмущение по поводу оскорбления христианского чувства при описании Толстым Таинства Евхаристии².

Соученики Александра Ивановича по Витебской гимназии и ее преподаватели, по-видимому, весьма тепло к нему относились. Достаточно сказать, что в альбоме фотографических карточек Введенского, сохранившемся в его семье, есть много фотографий от гимназистов и преподавателей с теплыми, дружескими дарственными подписями. Некоторые из этих подписей содержат в себе ссылки на тексты религиозного характера. Приведем несколько примеров: «“Бог — это чистая доска, на которой ты прочтешь только то, что сам написал” (Лютер). Славному товарищу религиозному Шуре Введенскому С. Данилович. 6.6.1908». Еще одна подпись: «“Кто людям приятен, тот и Богу угоден” Талмуд. Милому и незабвенному товарищу А. Введенскому на память от Г. Марковича». И, наконец, еще одна: «“Из наук мы извлекли все полезное для самоблагочестия. Через худшее обучились лучшему и немощь наша обратилась на твердость нашего учения”. Творения Св. отцов. в рус. пер. т. 4 с. 69. Дорогому товарищу Шуре на добрую память от друга Бобровского Евгения». Эти подписи сами по себе характеризуют ту гимназическую атмосферу, в которой учился А. И. Введенский.

¹ *Краснов-Левитин А.* Лихие годы. 1925—1941. Париж, 1977. С. 117—118.

² *Левитин-Краснов А. Э., Шавров В. М.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 20.

По окончании гимназии А. И. Введенский едет в Петербург, где поступает на историко-филологический факультет университета. Он живо включается в религиозно-общественную жизнь, знакомится с известными писателями — Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус, посещает литературные салоны, сам пишет стихи. Одновременно он занимается музыкой, проводя по несколько часов за роялем, играя произведения своих любимых композиторов — Листа и Шопена. Проживая на Васильевском острове, Введенский часто посещает великолепный и вместительный храм св. великомученицы Екатерины.

В этот период значительная часть интеллектуальной элиты Петербурга была охвачена богоискательскими настроениями. В то же время в моде декадентское искусство, большая часть интеллигенции охвачена скептицизмом, неверием, отвлеченной созерцательностью. «Мы жили среди огромной страны словно на необитаемом острове, — вспоминала уже в эмиграции об этом времени святая преподобномученица монахиня Мария (Скобцова). — Россия не знала грамоты — в нашей среде сосредотачивалась вся мировая культура: цитировали наизусть греков, увлекались французскими символистами, считали скандинавскую литературу своею, знали философию и богословие, поэзию и историю всего мира, в этом смысле были гражданами вселенной, хранителями великого культурного музея человечества. Это был Рим времен упадка. Мы не жили, мы созерцали все самое утонченное, что было в жизни, мы не боялись никаких слов, мы были в области духа циничны и нецеломудренны, в жизни вялы и бездейственны. В известном смысле мы были, конечно, революция до революции, — так глубоко, беспощадно и губительно перекапывалась почва старой традиции, такие смелые мосты бросались в будущее. И вместе с тем эта глубина и смелость сочетались с неизбывным тлением, с духом умирания, призрачности, эфемерности. Мы были последним актом трагедии — разрыва народа и интеллигенции. За нами простиралась всероссийская снежная пустыня, скованная страна, не знающая ни наших восторгов, ни наших мук, не заражающая нас своими восторгами и муками»³.

Молодой студент университета Александр Введенский также увлекся богоискательством и декадентством. При этом он стоял на стороне Церкви, хотя, конечно же, был заражен описанным матерью Марией настроением «перекапывания почвы старой традиции». В 1911 г. в духовном журнале «Странник» появляется статья А. И. Введенского, посвященная выяснению причин неверия русской интеллигенции. «Для истории обновленческого движения, — пишет А. Левитин, — эта статья интересна тем, что здесь как бы пунктиром намечено основное направление деятельности знаменитого проповедника и апологета (А. И. Введенского. — *И. С.*). В основе массового распространения неверия лежат два факта: кажущееся несоответствие религиозных догматов с прогрессом науки и глубокая испорченность духовенства — отсюда две линии, по которым затем направляется деятельность будущего идейного вождя обновленчества: апологетика (примирение религии и науки) и реформаторство (обновление церкви) <...> Есть что-то символическое в том, что его первая статья посвящена русской интеллигенции: всегда и во всем — и в своих реформах, и в своей апологетической деятельности — он имел в виду прежде всего русского дореволюционного интеллигента: все его речи, проповеди, произведения предназначаются для рафинированной интеллигентской публики (все остальные слои общества порой как-то выпадают из его поля зрения), вот почему его деятельность в двадцатых—тридцатых годах, несмотря на весь новаторский пафос, все же имела привкус какого-то анахронизма»⁴. Интересно, что темой для своей университетской работы Введенский выбрал преобразовательную реформу императора Петра I.

Интересна история, предшествовавшая написанию этой статьи. 10 сентября 1910 г. в известной и влиятельной столичной газете «Речь» появилась анкета с вопросами об отношении к вере и о причинах безверия. В преамбуле к ней отмечалась общественная и научная значимость анкеты, имеющей целью выяснение религиозной убежденности русского образованного общества (членов Академии наук, преподавателей высшей и средней школы, студентов и курсисток). Был указан и адрес, по которому следовало посылать ответы и имя получателя — автора и составителя анкеты: Петербург, Васильевский остров, 1-я линия, д. 56. кв. 6, Александру Ивановичу Введенскому. Очевидно, что читатели, а, может быть, и редакция газеты, решили, что составителем анкеты был известный петербургский профессор университета А. И. Введенский. Однако автором анкеты был его полный тезка — будущий обновленческий митрополит Александр Введенский.

Анкета имела большой отклик в среде столичной интеллигенции. Д. В. Философов откликнулся на анкету статьей, в которой, в частности, отмечал удачный выбор контингента опрашиваемых, тех, кто соприкасается с наукой. Эта статья была напечатана 16 сентября 1910 г. в «Русской молве» под заголовком «Анкета профессора Введенского». В связи с этой историей профессор Введенский был вынужден публично заявить в газете «Речь», что анкета была составлена даже без его ведома и приведенный в статье адрес ему не принадлежит. 13 октября 1910 г. в заседании Петербургского религиозно-философского общества рассматривался вопрос: «Желательна ли анкета по религиозному вопросу?». Тема заседания была подсказана инициативой

³ *Мать Мария*. Воспоминания, статьи, очерки. Т. 1. Париж, 1992. С. 29—30.

⁴ *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки... С. 22.

молодого студента А. Введенского. Все собранные материалы, а их оказалось много, А. Введенский передал Д. С. Мережковскому и его супруге З. Гиппиус с их согласия. Однако разборка писем у Мережковских не была завершена⁵.

По окончании учебы Введенский возвращается в Витебск, где служит преподавателем литературы в местной женской гимназии. В 1912 г. Александр Иванович вступает в свой первый брак. Приблизительно в это время он принимает решение стать священником. Одним из намерений петербургского студента-литератора при принятии сана, по его собственным позднейшим признаниям, будто бы было «сокрушение казенного православия», желание «стать реформатором». «Вряд ли, однако, он действительно ставил перед собой такие четкие и ясные цели, — пишет близко знавший Введенского А. Э. Левитин. — Натура эстетическая, порывистая, экспансивная, он был человеком минуты, легко поддающимся настроению. Религиозная настроенность, свойственная ему с детства, богоискательские веяния эпохи — все это, вместе с неясными честолюбивыми намерениями, создавало тип честолюбивого религиозного мечтателя, в которой искренний порыв сочетался с почти болезненной жадой самоутверждения»⁶.

Попытки Введенского получить рукоположение в священный сан не сразу увенчались успехом. В церковных кругах его встречали холодно и подозрительно. Тогда Введенский, уже окончивший курс Петербургского университета, просит разрешить ему сдать экстерном экзамен за курс духовной академии. Ему разрешают. В 1914 г., после сдачи экзаменов, епископ Гродненский Михаил (Ермаков) рукополагает Введенского в священный сан. Этой хиротонии немало содействовал протопресвитер военного духовенства о. Георгий Шавельский, также поучаствовавший в духовной карьере другого видного деятеля «обновленчества» — протоиерея Александра Боярского. В 1949 г., уже после смерти Введенского, Шавельский так писал о Введенском в своих мемуарах: «Взятый мною из учителей одной из СПб гимназий, по образованию филолог, А. И. Введенский сразу заявил себя добрым пастырем, пастырем по призванию, самоотверженным, не знавшим усталости в пастырской работе и талантливейшим проповедником»⁷.

Для характеристики умонастроений Введенского уместно привести один интересный случай из его биографии, произошедший уже во время первой литургии, которую он совершал на следующий день после своего рукоположения. «Когда во время Херувимской песни, — пишет А. Э. Левитин, — новопоставленный иерей, стоя с воздетыми руками начал читать текст Херувимской песни, молящиеся остолбенели от изумления не только потому, что о. Александр читал эту молитву не тайно, а вслух, но и потому, что читал он ее с болезненной экзальтацией и с тем характерным «подвыванием», с которым часто читались декадентские стихи. Опомившись от мгновенного изумления, епископ Гродненский Михаил [Ермаков], стоявший на клиросе, стремительно вошел в алтарь: «Не смей, немедленно прекратить, нельзя так читать Херувимскую!»

После хиротонии о. Александр Введенский назначается священником в один из полков военного духовенства. Вскоре началась Первая мировая война. С 1916 г. о. А. Введенский пребывает в Петрограде на должности священника церкви Кавалерийского училища. К этому времени он близко сошелся и подружился с другим клириком ведомства военного протопресвитера — упомянутым священником Александром Боярским. После февральской революции 1917 г. они оба находятся среди лидеров Всероссийского союза демократического духовенства и мирян.

В годы гражданской войны А. И. Введенский сдал экстерном несколько курсов в Петроградских вузах, получил дипломы биолога, физика, математика и юриста. Это дало ему возможность читать лекции с привлечением многочисленных данных из различных областей естествознания⁸. В то же время, в 1919 г., Введенскому пришлось некоторое время торговать газетами, а затем работать преподавателем социологии на Финансовых курсах в Петрограде. В этот период он также являлся ректором и профессором Народного Охтенского университета, профессором на экономическом отделении Политехнического института⁹.

Интересно заметить, что в том же 1919 г. А. И. Введенский имел встречу с председателем тогдашнего Петроградского Совета Г. Е. Зиновьевым. В ходе этой беседы, в частности, обсуждались перспективы Российской Церкви в новом государстве. А. И. Введенский предложил правительству конкордат — широкое со-

⁵ Еремичев А. А. Религиозно-философское общество в Петербурге. 1907–1917. Хроника заседаний. СПб. 2007. С. 99–100.

⁶ Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки... С. 22.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. Л. 719.

⁸ В 1938 г. арестованный органами НКВД «обновленческий» архиепископ Тихон (Попов), бывший преподавателем в обновленческой Богословской академии, в своей пристрастной записке-доносе, составленной по заданию чекистов, дал такую оценку лекциям Введенского: «Лекции Введенского по своему высокому содержанию философских материй с именами и цитатами многочисленных иностранных ученых, в содержании которых не могли разобраться и мы, бывшие члены президиума академии, — с большими аплодисментами встречались и сопровождалась слушательницами — посетительницами лекций». Цит. по: Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия». Т. 4. Тверь, 2000. С. 460.

⁹ Церковный вестник. Орган Иркутского епархиального Церковного Совета. Иркутск. 1925. № 1–2. С. 1–2.

глашение Советской власти с реформированной Православной Церковью. Зиновьев сказал в ответ: «Конкордат в настоящее время вряд ли возможен, но я не исключаю его в будущем, так как вообще являюсь сторонником свободы вероисповеданий и, как вы знаете, делаю все от меня зависящее, чтобы избежать каких-либо ненужных обострений в отношениях с церковью у нас в Петрограде. Что касается вашей группы, то мне кажется, что она могла бы быть зачинателем большого движения в международном масштабе. Если вы сумеете организовать нечто в этом плане, то, я думаю, мы вас поддержим»¹⁰. Эта история, описанная в книге А. Левитина, очевидно, со слов самого А. И. Введенского, нуждается в существенном дополнении и даже корректировке. Дело в том, что протоиерей Введенский посетил Зиновьева не по собственной инициативе, а по прямому благословию тогдашнего митрополита Вениамина (Казанского), стремившегося к налаживанию сколько-нибудь нормальных отношений с государственной властью. В составе делегации к Зиновьеву, кроме о. Введенского, входили также будущий обновленец протоиерей Николай Сыренский и миряне В. Белоусов и М. Сергеев. Среди прочего, делегаты официально заявили Зиновьеву, что «духовенство Петроградской епархии решительно осуждает поддержку белых отдельными представителями духовенства и что митрополит решил лишать сана таких представителей духовенства»¹¹.

Надо полагать, что А. И. Введенский вполне искренне разделял точку зрения митрополита Вениамина. В ноябре 1919 г.¹² священник Александр Введенский получил место настоятеля церкви св. Захария и Елизаветы в Петрограде, а в 1921 г. был удостоен сана протоиерея. В этот период он являлся одним из ближайших сотрудников Петроградского митрополита Вениамина (Казанского), пользовался его явным благорасположением. Показателен тот факт, что митрополит лично крестил сына А. И. Введенского. Причина этой благосклонности митрополита заключалась в пастырских талантах А. И. Введенского. Он обладал безусловным даром проповедника. Образованность и начитанность, хороший слух (что важно для священника), умение влиять на настроения людей довольно скоро превратили о. Александра в одного из самых популярных пастырей Петрограда. Вот что писала о нем в своих воспоминаниях М. Д. Врангель — мать знаменитого деятеля белого движения барона Врангеля. Заметим сразу, что цитируемые нами мемуары относятся к 1920–1922 гг., когда о «живоцерковническом» расколе еще не было известно и имя о. А. Введенского еще не стало одиозным. «Появился совсем новый тип священника, — пишет М. Д. Врангель, — молодые, образованные, подчас с университетским образованием. Особенно выделяется теперь отец Александр Введенский. Он пользуется громадной популярностью, за ним ходят толпы народа. Приезд его на служение в какую-нибудь церковь производит сенсацию. Из него уже сделали фетиш. Это молодой человек 32 лет, с университетским образованием, окончил два факультета, с большой эрудицией, увлекательный оратор. Так как собеседования, устраиваемые им по разным частным учреждениям, собирали такое скопление народа, что залы не могли вместить, и вокруг здания были большие сборища толпы, рвавшей его послушать, то власти запретили ему собеседования. Он перенес их в церковь. Все его речи чужды всякой политики; мне случилось присутствовать на двух из бесед. Темы были “Об унынии”, а вторая “Что такое счастье?”. Я вынесла глубокое впечатление, громадная эрудиция, глубокая вера и искренность. Проповеди его совсем своеобразные. Много тепла, сердечности, дружелюбности, я бы сказала: под впечатлением его слов, — озлобление смягчается. Чувствуется его духовная связь с паствой. Богослужение — его экстаз. Он горит весь и все время приковывает внимание, наэлектризовывает нас. <...> Такого молитвенного настроения, мне прежде в церквях никогда не довелось видеть: люди рыдают и действительно каются во грехах, а не исполняют это, как бывало у многих прежде, для проформы. Популярность и деятельность этого священника уже у властей на примете. Я знаю несколько прежде равнодушных к религии лиц, которые, под впечатлением его служения и проповедей, обратились в глубоко верующих. <...> Внешний вид современных, молодых священников теперь тоже особый: волосы стриженные и на рясах носят университетские значки»¹³.

Приведем еще один факт, свидетельствующий о большой популярности протоиерея Введенского в Петрограде. 23 января 1921 г. приходской совет храма Казанской иконы Божией Матери, являвшийся подворьем Вышневолоцкого Казанского женского монастыря Тверской епархии, избрал протоиерея А. И. Введенского своим почетным членом, во внимание к его проповедническому дару¹⁴.

События, связанные с использованием властями группы духовенства для отрешения от власти патриарха Тихона в мае 1922 г., хорошо известны. Известно также и то, что активное участие в них принимал А. И. Введенский. Именно он был одним из идеологов «обновленческого» раскола, он выступал с программными

¹⁰ Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки... С. 51.

¹¹ Галкин А. К., Бовкало А. А. Избранник Божий и народа. Жизнеописание священномученика Вениамина, митрополита Петроградского и Гдовского. СПб., 2006. С. 243.

¹² См.: Черепенина Н. Ю., Шкаровский М. В. Православные храмы Санкт-Петербурга. 1917–1945. СПб., 1999. С. 141.

¹³ Врангель М. Д. Моя жизнь в советском раю // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Т. 4. Берлин, 1922. С. 194. (Репринтное издание — М., 1991).

¹⁴ Черепенина Н. Ю., Шкаровский М. В. Православные храмы Санкт-Петербурга... С. 241.

речами на «обновленческих» соборах 1923 и 1925 годов. Оставляя в стороне эту довольно известную часть жизни А. И. Введенского, 6 мая 1923 г. получившего неканоническую хиротонию во епископа в брачном состоянии, обратимся к началу 1930-х годов, тому времени, о котором вообще не так много знает церковно-историческая наука.

К началу 1930-х гг. «обновленчество» окончательно растеряло весь свой реформаторский заряд. Из всех церковных реформ у обновленцев сохранились лишь послабления в брачном праве для клира и епископата. В это время А. И. Введенский последовательно выступает против литургических преобразований и за сохранение строя славянского богослужения. В этом вопросе он сталкивается с такими идейными обновленцами, как протоиерей Александр Боярский, Николай Попов, Василий Адаменко и др.

1930-е гг. были трудным временем для А. И. Введенского. Уже с конца 1920-х годов московский храм Христа Спасителя, где служил Введенский, из-за отсутствия государственной поддержки содержался «обновленцами» с большим трудом. Утром в храме совершались богослужения, а после обеда он превращался «в платный музей, посещаемый теми, кому интересно изучить русскую историю в толковании церкви»¹⁵. При этом некоторые части храма закрывались для экскурсантов, в том числе накрепко были затворены двери иконостаса. Однако и такой необычный для Российской Церкви способ содержания храма не спас его от закрытия и уничтожения. После закрытия храма Христа Спасителя А. И. Введенский переходит на служение в храм св. апостолов Петра и Павла на Басманной (у Красных Ворот), где одно время находилась «обновленческая» богословская академия¹⁶. После закрытия в 1934 г. этой церкви и «упразднения» академии (очевидно, в 1935 г.) — А. И. Введенский перебирается в храм св. Николая на б. Долгоруковской улице, носивший громкое название синодального собора. В 1935 г., после «самороспуска» обновленческого Синода, НКВД отстраняет Введенского от всех должностей.

По некоторым сведениям, в 1935 г. ГПУ снова вынашивало планы объединения «обновленческой» и «тихоновской» церкви, но из-за позиции митрополита Сергия (Страгородского) они были обречены на провал. Об этом 13 февраля 1936 г. писал в своем письме к монсеньеру Пиццардо живший в Москве с 1926 по 1936 г. католический епископ Пий Эвгений Невё. «О положении православных, — пишет Невё, — мне известно следующее. В течение прошлого года ГПУ активно занималось объединением «обновленческой» церкви с «тихоновской». Чего только не увидишь в этой стране чудес! После переговоров митрополит Сергей решительно заявил, что он не желает церковного союза с митрополитом Александром Введенским (из обновленцев, женатый, причем дважды), хотя ГПУ обещало тихонько усладить его куда-нибудь в провинцию. После этого сергиевский синод был распущен: сам он — старый и тугой на ухо — не выходит из своей комнаты, а все церковные дела поручены — по милости ГПУ — архиепископу Питириму [Крылову] Московскому, которого все православные открыто обвиняют в том, что он является агентом советской полиции. Дело заходит так далеко, что этот Питирим своей собственной (?) властью закрывает те немногие православные храмы, которые до сих пор оставались действующими»¹⁷.

Действительно, именно в описываемое нами время А. И. Введенский был неожиданно уволен от должности заместителя председателя Синода и назначен настоятелем Спасской церкви в Москве. По-видимому, сообщение епископа Невё об обещании ГПУ «убрать» Введенского не было лишено основания. По сведениям А. Левитина, в этот период опалы А. И. Введенского митрополит Виталий стал прибирать к рукам своего знаменитого однофамильца. «В это время, — вспоминал А. И. Введенский, — достаточно мне было что-нибудь предложить — можно было сказать с уверенностью — сделают наоборот»¹⁸. Однако определить окончательно, что именно послужило основанием для отрешения А. И. Введенского от активной деятельности, мы не имеем возможности из-за отсутствия источников.

В октябре 1936 г. «обновленцам» передается храм св. Пимена Великого в Москве, ставший почти на десятилетие последней московской резиденцией А. И. Введенского. Как и многие, А. И. Введенский живет в это время под страхом репрессий. Еще 3 сентября 1929 г. он начинает делать записи в тетрадке под заглавием «Мои мысли о политике. Дневник только для самого себя». У нас нет сомнений в том, что А. И. Введенский (о котором сам Е. А. Тучков пишет в своих записках как о контрреволюционере) вел эти записи на случай своего ареста, надеясь, что их обнаружение при обыске в бумагах хотя бы как-то облегчит его участь. В своем дневнике А. И. Введенский называет И. В. Сталина «гениальным человеком», выражает «радость» по поводу его побед над оппозицией. Он критикует интеллигенцию за «двурушничество» и видит в этом причину недоверия к ней со стороны советской власти.

¹⁵ Д'Эрбиньи М. Церковная жизнь в Москве. Париж, 1926. С. 15.

¹⁶ Разрешение на открытие этой академии было дано «обновленческому» Синоду на заседании Антирелигиозной комиссии (протокол № 39) еще 20 ноября 1923 г. См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 112. Д. 565а. Л. 43.

¹⁷ Венгер А. Рим и Москва 1900–1950. М., 2000. С. 468–469.

¹⁸ Левитин-Краснов А. Э., Шавров В. М. Очерки... С. 634.

«Двурушничество нашей интеллигенции, — пишет А. И. Введенский, — великое колебание, вот что заставляет в нас, интеллигентах, видеть помеху социалистическому строительству. Почему бы всем нам, кто как может, не принять участие в социалистическом творчестве? Я лично свою борьбу с тихоновщиной, этой гнусной к[онтр]револ[юцией], рассматриваю как мою долю участия в социалистической жизни на новых условиях».

24 ноября 1929 г. А. И. Введенский сетует, что даже среди коллег «обновленцев» мало искренних по отношению к коммунизму людей. «Я митрополит. Да, я глубоко верю в Бога. Но как меня возмущает связь Церкви с капиталом и реакцией! И как сравнительно немного церковников действительно искренне верящих в дело коммунистического строительства. В беседах (я далеко не всегда в тактических целях открываю свое политическое лицо, желая иногда испытать собеседника) [два слова неразборчивы — *авт.*] нет-нет да и проглянет реакционная физиономия. А между тем и с политической, и с этической точки зрения только в коммунизме [слово неразборчиво. — *Авт.*] земная правда».

«О, эта интеллигенция, ветром колеблемая, — читаем мы в записи от 18 января 1930 г. — А ведь станешь говорить о правде коммунизма, и на тебя смотрят косо, опасаясь «агента». Боже мой, неужели же они не поймут, что я искренен в своих религиозных и политических убеждениях <...> что я ненавижу монархистов, капиталистов, буржуев всех рангов?! И рабочий с его смелой попыткой строить новую социалистическую жизнь, мне близок, понятен. Нет, лучше замкнуться в свою скорлупу: все равно не поверят, оскорбят <...>».

«Грандиозная фигура Сталина, — читаем мы в другом месте, — вызывает мое восхищение. Я его нередко вижу во сне. Какая сила. Я радуюсь, что он победил Бухарина, как в свое время Троцкого. Надо ясность и определенность. Все это с силой характера характеризует Сталина и его сподвижников».

«Великое благодеяние! — гласит запись от 12 января 1930 г. — Вышел циркуляр Наркомфина о снижении налогов с церковей. Как я был прав, что не надо унывать, что советская власть верна своим принципам, что у нас есть свобода вероисповеданий. Надо честно приложить все свои силы, чтобы еще энергичнее работать по обновлению, оправдать то доверие, которое советская власть нам оказывает».

И, наконец, последняя цитата из «дневника», относящаяся к 10 ноября 1930 г. «Раскрыта новая организация вредителей. Как она меня возмущает! Что за негодяи эти Рамзины¹⁹ и компания. Как хочется самому активно включиться в защиту СССР и пятилетки. Тяготит бессилие и поповщина²⁰».

Помимо страха перед арестом и репрессиями, Введенскому не дают покоя его недоброжелатели. Многие по-прежнему говорят о нем с осуждением или насмешкой. По Москве о нем рассказывают язвительные истории и даже сочиняют юмористические стихи: «Хоть он стрижен, хоть он брит, все же он митрополит».

В 1939 г. умирает его мать — Зинаида Саввишна Неруш. Несколько раньше — 7 декабря 1936 г. — «митрополиту-благовестнику» было объявлено, что служителям культа запрещается произносить проповеди, так как новая «сталинская» Конституция разрешает отправление религиозного культа, но не религиозную пропаганду. Впоследствии, по словам Левитина, такое толкование Конституции было пересмотрено, но с декабря 1936 г., по свидетельству того же Левитина, «странно, внезапно и непостижимо чудесный проповеднический дар покинул Введенского». «Все проповеди, которые произносил А. И. Введенский после 1936 г., оставляли досадное и тягостное впечатление: вдруг погас огненный темперамент, исчезли гениальные озарения и дивные взлеты — на кафедре стоял заурядный священник, который неимоверно длинно и скучно излагал давным-давно всем известные истины. <...> И психологически А. И. Введенский сильно деградировал²¹».

«В 1937 г., — вспоминает также А. Э. Левитин, — Александр Иванович чудом избежал ареста. В течение всего года он жил под дамокловым мечем. Однажды ночью в передней раздался звонок. Что тут началось! Домашние суетились в паническом ужасе, наскоро жгли какие-то бумаги, сам хозяин второпях одевался. Мертвенно бледный, он отправился открывать дверь. Вдох облегчения — его духовная дочь почувствовала себя тяжело больной, послала за своим духовником. <...> Таким образом, в период с 1937-го по 1941 год А. И. Введенский растерял все то, что было смыслом его жизни — ораторская и апологетическая деятельность стали невозможными, о реформационной деятельности не могло больше быть и речи. Административная деятельность (жалкая и урезанная) стала невозможной. Сильный человек, возможно, вырос бы духовно, пошел бы на подвиг, поднял бы над головой огненный факел страдания и любви... Но Введенский не был сильным человеком и не был из числа тех, которые способны на подвиг. И вот в этот период он сразу опустился, потускнел, неуловимые раньше мещанские, пошленькие черточки, которые есть у всякого, у Введенского в это

¹⁹ Рамзин Леонид Константинович (1887–1948) — советский теплотехник, участник разработки плана ГОЭЛРО. В 1930 г. осужден по «делу промпартии». В 1936 г. освобожден. Разработал принципиально новую концепцию промышленного прямого котла («котел Рамзина»). В 1943 г. за эту работу ему присуждается Государственная премия СССР.

²⁰ Все приведенные здесь цитаты взяты из ксерокопии «дневника», хранящейся в архиве автора. Оригинал находится в личном архиве дочери А. И. Введенского, Ольги Александровны, любезно передавшей в наше распоряжение цитированную ксерокопию.

²¹ Левитин-Краснов А. Э., Шавров В. М. Очерки... С. 633.

время выступили особенно выпукло и резко. Семейная ситуация, и всегда запутанная, в эти годы обострилась до крайности, и его личная жизнь превратилась в бедлам...»²².

В довершение ко всем своим бедам, А. И. Введенский утеснялся даже в управлении Пименовской церковью. Инструктор Моссовета тов. Мартин отказывал А. И. Введенскому в регистрации клириков для служения в Пименовской церкви. Перед выборами в Верховный Совет СССР от своих духовных чад Введенский получил неутешительные известия о том, что «его имя треплется на предвыборных собраниях в страшных, чудовищно вымышленных фактах об оргиях в его храме, о его необычайном богатстве, о его будто бы источниках содержания из фашистских стран через каких-то или какого-то патриарха, и о прочих подобных нелепых выходках». Об этом Введенский жаловался митрополиту Московскому Тихону (Попову) при их случайной встрече на вокзале. Очень скоро содержание беседы стало достоянием НКВД²³.

В 1939 г. накал репрессивной политики советской власти постепенно ослабевает. В апреле 1941 г. происходит «реставрация» обновленческого Высшего церковного управления во главе которого становится митрополит Виталий (Введенский), но при активном участии А. И. Введенского. До этого времени А. И. Введенский постепенно восстанавливал свои позиции в руководстве «обновленчеством» и даже занимался наградами делами. Например, в сентябре 1940 г. он исходатайствовал присвоение звания протопресвитера настоятелю храма Живоначальной Троицы на Пятницком кладбище протоиерею Василию Филипповичу Романкову, переведенному в Москву из Сибири в 1939 г.

Весной и летом 1941 г. А. И. Введенский возобновил свои поездки по стране, проводил ревизии некоторых храмов. 24 мая 1941 г. он посетил Ленинград, где после отречения от сана обновленческого митрополита Н. Ф. Платонова на протяжении более 4 лет епархией управлял протопресвитер Алексей Абакумов. Начало войны застало А. И. Введенского в столице, и он тотчас же написал свое первое патриотическое воззвание. С аналогичным возванием к верующим в самые первые дни войны обратился и глава «староцерковников» митрополит Московский Сергей (Страгородский).

Летом 1941 г. «растерявшийся и совершенно беспомощный» митрополит Виталий передал руководство «обновленческой церковью» митрополиту Александру Введенскому, вскоре принявшему громкий титул «Святейший и блаженнейший Первоиерарх Московский и всех православных церквей в СССР». «Я не знаю своих полномочий, — говорил в то время А. И. Введенский. — Вероятно, они безграничны». 12 сентября 1941 г. А. И. Введенский совершил хиротонию своего сына Андрея во пресвитеры к храму св. Пимена Великого в Москве. Между тем ухудшавшееся положение на фронтах и угроза оставления Москвы заставили власть принять решение о вынужденной эвакуации уцелевших к началу войны руководителей религиозных организаций. 7 октября 1941 г., согласно постановлению Московского Городского Совета, руководители религиозных организаций должны были быть отправлены в эвакуацию.

По данным Левитина, А. И. Введенский поначалу пытался возражать против оставления Москвы, ссылаясь на необходимость продолжения развернутой патриотической кампании. Обо всем этом он (со слов Левитина) заявил в отделе эвакуации Мосгорсовета генералу в форме МГБ, предложившему митрополитам Виталию и Александру (последнему вместе с семьей) немедленно подготовиться к отъезду из Москвы. Нельзя же оставлять Москву без епископа, — говорил Введенский. «Рукоположите. Кандидат, тем более, у вас есть, ну, хотя бы этот молодой священник у вас в Сокольниках». Речь шла об о. Сергии Ларине, получившем все степени священства в «обновленческом» расколе. В 1936 г., будучи протоиереем, он был осужден по ст. 118 Уголовного кодекса на три года и отбывал наказание в лагере на Колыме.

Поезд с религиозными деятелями остановился в Ульяновске. Именно этому городу в первый период Великой Отечественной войны суждено было стать церковной столицей России. «Обновленческой» церкви было передано помещение храма в честь иконы Божией Матери «Неопалимая Купина», закрытой в 1940 г., баптистам был передан дом № 12 по ул. К. Маркса.

В эвакуации А. И. Введенский продолжил свою патриотическую деятельность. В личном архиве его дочери О. А. Введенской имеются две благодарности от Сталина. «ПЕРВОИЕРАРХУ Александру ВВЕДЕНСКОМУ. Примите мой привет и благодарность Красной Армии за Вашу заботу об обороне Союза ССР. *И. Сталин*». И вторая, полученная уже в Москве после эвакуации: «ПЕРВОИЕРАРХУ Александру ВВЕДЕНСКОМУ. Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Александр Иванович, за Вашу заботу о Красной Армии. *И. Сталин*». Подобная благодарность с факсимильной подписью Сталина была получена и сыновьями «обновленческого» митрополита. Из писем Введенского видно, что власти заботились о содержании его и его семьи. В его дом было проведено электричество и телефон (его номер был пятидесятый на весь город), для пропитания Введенскому было выделено 11 профессорских пайков. Однако ликвидация «обновленческой церкви» была уже не за горами.

²² Левитин-Краснов А. Э., Шавров В. М. Очерки... С. 633—634.

²³ См.: Дамаскин (Орловский), игумен. Указ. соч. С. 462.

Из писем А. И. Введенского к сыну Андрею, написанных в 1943 г., видно то напряжение, которое переживал А. И. Введенский в эвакуации. Особенно оно усилилось после встречи И. Сталина с тремя митрополитами Московской Патриархии в сентябре 1943 г. В Ульяновске его посещают обновленческий митрополит Корнилий (Попов) вскоре после этого перешедший в Московскую Патриархию, архиепископ Сергей Румянцев и митрополит Василий Кожин. Однако переговоры обновленческих иерархов не могут поправить дела. Сталин и созданный в 1943 г. Совет по делам религий встали на позицию поэтапного уничтожения «обновленческой» церкви путем слияния ее с Московской Патриархией.

Александр Введенский болезненно переживал ликвидацию «обновленчества». Последние годы его жизни были омрачены полной неразберихой и на семейном фронте. Он умер после двух инсультов 25 июля 1946 г. Перед своей смертью он сделал несколько попыток примириться с Московской Патриархией, для чего вел переговоры в патриаршей резиденции в Чистом переулке. Он был готов оставить открытым вопрос о своем сане и просился на должность профессора недавно открытой духовной школы. Однако в этой школе засели его бывшие коллеги, в частности, его давний недоброжелатель, бывший митрополит Тихон Попов, ставший ректором в сане протоиерея. Единственное место, которое было предложено А. И. Введенскому, была должность рядового сотрудника Журнала Московской Патриархии, который в эти годы влачил жалкое существование. Это предложение обновленческий митрополит не принял. Он умер, оставшись нераскаянным²⁴.

*Священник Владимир Горидовец, к. бог.
(Витебская епархия)*

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛОЦКО-ВИТЕБСКОЙ ЕПАРХИИ В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ 1941–1944 гг.

В июле 1941 г. Витебск был оккупирован немецкими войсками и оказался в тыловом районе группы армий «Центр». В конце июля жители Витебска выдвинули инициативу открыть церкви и возобновить богослужения. Уже с 3 августа 1941 г. начались богослужения в Покровской церкви Витебска, а затем — и в Казанской церкви витебского Маркова монастыря¹. Первым настоятелем витебской Покровской церкви стал священник Феодор Тонковид. В окрестностях Витебска к ноябрю 1941 г. возобновились богослужения в церквях с. Фальковичи, м. Яновичи, м. Добея. В начале декабря 1941 г. был освящен престол полоцкого Софийского собора. На нем по благословию митрополита Сергия (Воскресенского) была прикреплена грамота следующего содержания: «Дана сия грамота дисненскому благочинному магистру богословия Владимиру Голосову для освящения Софийского собора и престола, поруганного и оскверненного большевистской властью и превращенного в музей»².

Оккупационные власти не препятствовали процессу восстановления церковной жизни. По свидетельству протоиерея Павла Каменцева, в 1944 г. служившего в церкви во имя святой Параскевы Пятницы в Лепеле, немцы в 1941 г. собирали сведения об уцелевшем духовенстве и предлагали начать богослужения в сохранившихся храмах³. Иногда воцерковление носило принудительный характер. Так, в декабре 1941 г. жителям деревни Самулешково было объявлено, что всех некрещеных ожидает судьба еврейского населения, и в январе 1942 г. православный священник крестил там более 30 детей. В годы оккупации православное духовенство Полоцко-Витебской епархии в принудительном порядке участвовало в отдельных акциях немецкой власти. В июле 1941 г. немецкий генерал заставил настоятеля церкви м. Язно в течение двух месяцев исполнять обязанности бургомистра Язненской волости. Священник отказывался, ссылаясь на отсутствие разрешения архиерея, на что генерал ответил, что архиереем сейчас является он (т. е. генерал). 22 июня 1944 г. по требованию Дриссенской ортскомендатуры и распоряжению управляющего Дриссенским районом священник Николаевского собора Дриссы служил молебен в память трехлетия освобождения Белоруссии от большевиков, а затем во главе прихожан участвовал в митинге на центральной площади. Но нельзя забывать и того, что за

²⁴ Автор приносит искреннюю благодарность за возможность использования частных архивов А. И. Введенского его дочери — Ольге Александровне Введенской и Александру Алексеевичу Костикову.

¹ Государственный архив Витебской области. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 24. Л. 60 об.

² Архив Управления КГБ Республики Беларусь по Витебской области. Д. 9379.

³ Там же. Д. 14311-П.